

Евгений Коблик

В ВЕРХОВЬЯХ «РУССКОЙ АМАЗОНКИ»

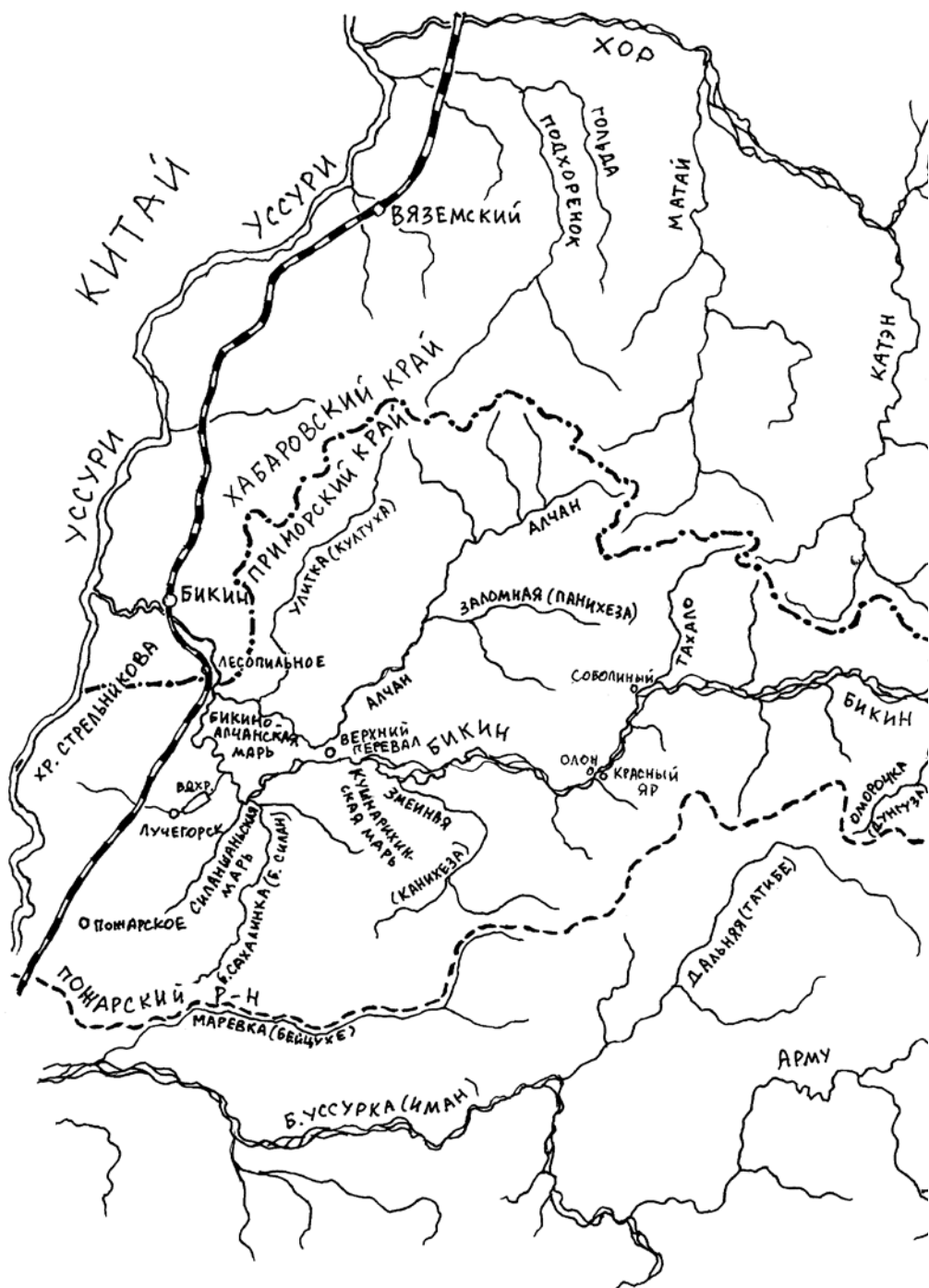
ХРОНИКИ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

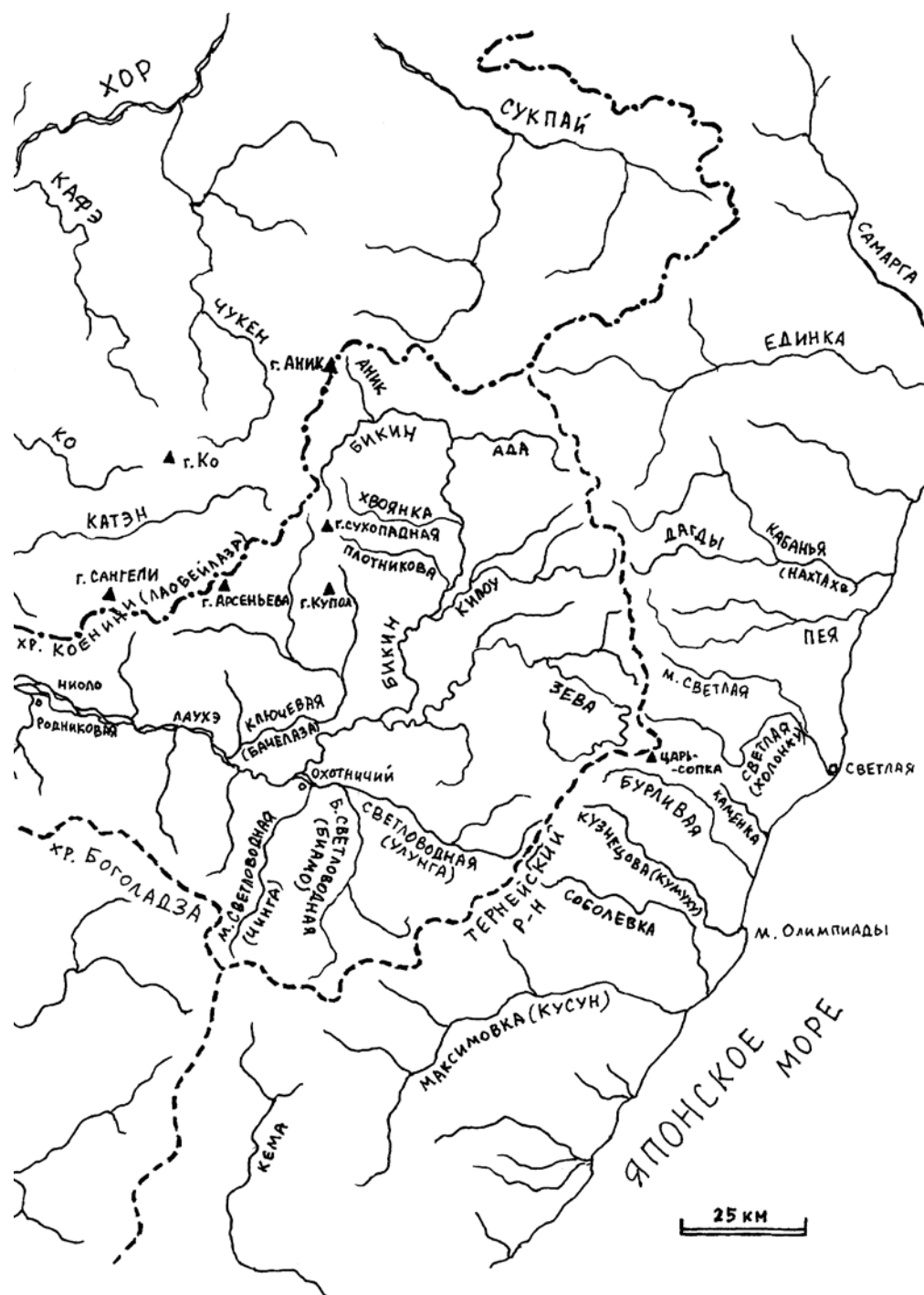
С иллюстрациями автора

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва

2 0 2 5





УДК 598.2(571.6)"1992/1997"
ББК 28.693.35(255)
К55

Редактор Анна Щелкунова

Коблик Е. А.

К55 В верховьях «русской Амазонки»: Хроники орнитологической экспедиции / Евгений Александрович Коблик. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-00223-421-9

Документальное повествование об экспедиционной работе орнитологов на Дальнем Востоке в 1992–1997 гг. Автор вместе с коллегами исследует труднодоступные таежные и горные территории, описывая уникальную природу Уссурийского края и встречи с редкими птицами, такими как черные журавли, каменные глухари, дикуши и другие. Воспоминания насыщены яркими деталями — от сложностей полевого быта до подробных наблюдений за поведением самых разных животных. Помимо описания орнитологических исследований, особое внимание в книге уделено не всегда легкому взаимодействию членов команды в кризисных ситуациях и личным впечатлениям от общения с дикой природой. Текст сочетает научную точность с художественной выразительностью, передающей атмосферу приключений и романтики экспедиционной жизни.

Книга дополнена рисунками и картами автора.

УДК 598.2(571.6)"1992/1997"
ББК 28.693.35(255)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-421-9

© Е. А. Коблик, 2024
© Обложка. Иллюстрации. Е. А. Коблик, 2025
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

9

Часть 1

ЗЕВИНСКОЕ ПЛАТО

11

Часть 2

К МОРЮ И ОБРАТНО

147

Часть 3

СУХОПАДНАЯ

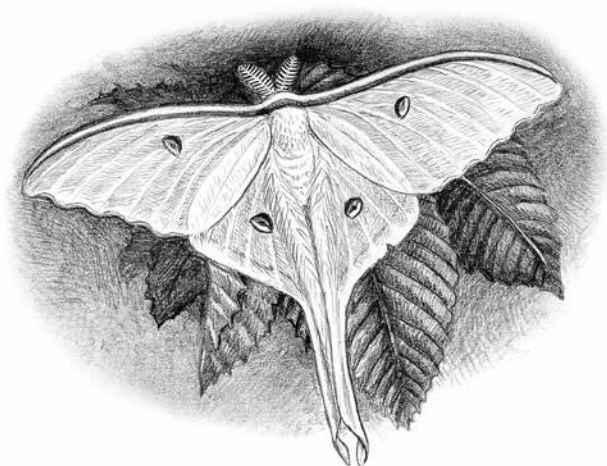
311

Эпилог

Дети лейтенанта Гранта

437

*Памяти Юрия Борисовича
и Бориса Константиновича Шибневых
посвящается*



Всякий раз, когда вступаешь в лес, который
тянется на несколько сот километров, невольно
испытываешь чувство, похожее на робость.
Такой первобытный лес — своего рода стихия,
и немудрено, что даже туземцы, эти привычные
лесные бродяги, прежде чем переступить границу,
отделяющую их от людей и света, молятся богу
и просят у него защиты от злых духов,
населяющих лесные пустыни.

В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю



Много раз я задавал себе вопрос: если бы знал заранее, сколько испытаний, лишений и риска выпадет мне и всем нам в этой экспедиции, — поехал бы?

Наверное, все-таки да! Ведь тогда я знал бы и то, что занявшая три месяца эпопея в конце концов завершится благополучно, все останутся живы и более-менее здоровы, а изобилие «красот и чудес», открывшихся нам в неизведанных землях, в значительной степени затмит драматические события и тяготы путешествия. Путешествия, которое сейчас — с высоты прожитых лет и накопившегося опыта, да и с изменением реалий полевых исследований в целом — выглядит сплошной авантюрой. Но такие уж тогда были времена и обстоятельства! И хочется сказать спасибо опытным спутникам за те уроки выживания. Ну а с куда более длительными походами Пржевальского, Арсеньева и других землепроходцев Дальнего Востока, совершенными в иную эпоху, в гораздо более дикой местности и в других бытовых условиях, наши тогдашние «подвиги» и научные результаты сравнивать и вовсе смешно!

Название с аллюзией к произведениям Жюль Верна, Луи Буссенара или Майн Рида может обманчиво настроить читателя на легкое и даже юмористическое чтение. Но веселья в книге немного, полета фантазии тоже мало — я из всех сил стремился сохранить повествование документальным. Хотя полностью объективной картины тоже не ждите, ведь каждый из нас воспринимает мир по-своему. В первую очередь мне хотелось показать нелегкую «кухню» полевой зоологии. Каюсь: возможно, многовато написано про птиц

в ущерб остальному, но ничего не поделаешь — их изучение было основной задачей экспедиции.

Почти тридцать лет я все подступал к изложению хроники того сезона, собирался и снова откладывал. Сама рукопись тоже шла долго и туго, спасительным решением, облегчающим и разнообразящим повествование, оказались вставки-«флешбэки» — чтобы не заскучал читатель.

Зная все дальнейшие перипетии нашего автономного похода постфактум, я хотел начать повествование энергично и брутально. Подмывало написать, как это делали признанные мастера приключенческого жанра. Например: «Вертолет выбросил нас прямо в снег!..»

Но начну все же иначе.

Часть 1

ЗЕВИНСКОЕ ПЛАТО



Эту заброшенную избу, притаившуюся за бурой щеткой лиственниц в самых верховьях Зевы́, мы, даже сделав несколько заходов-виражей на вертолете, еле заметили. Глаза устали следить за чересполосицей ржавых пятен начинавших оттаивать марей в белом окаймлении заснеженных ельников, за мозаикой серых льдин на черной воде Бикина и Улунги, голубоватыми извивами более мелких речек, застывших в зимних оковах. В Хабаровске, находящемся в полутора часах лета к северу, в первых числах мая уже распустилась свежая листва на тополях и берегах, временами моросил теплый дождик, прилетели первые ласточки, а серые скворцы вовсю обживали скворечники. Здесь же весна лишь делала первые шаги.

Наконец штурман ткнул пальцем в левый иллюминатор и что-то сказал пилоту, тот начал снижение, и только в этот момент мы увидели сруб. От винтокрылой машины, почти задевающей вершины деревьев, из перелеска прыгнул лось и махами погнал через болото, поднимая фонтаны брызг. Возле избы сесть не представлялось возможным из-за глубокого снега, и Ми-8, не заглушая движка, плюхнулся на окраину ближайшей мари, в кочкарник, пропитанный талой водой.

Юра с камерой вылез первым, Николай передал ему треногу штатива — и через несколько секунд штатный оператор экспедиции уже снимал стремительный процесс выгрузки амуниции и высадки отряда. Трое экспедиционеров лихорадочно кидали вещи прямо на осеняемые крутящимися лопастями кочки и в подтаявшие потемневшие сугробы. Летчики что-то орали, пытаясь перекричать рев

мотора, и стучали пальцами по часам, умоляя поторапливаться.

Обведя напоследок взглядом опустевший салон, мы выпрыгнули. Вертолет, обдав наши лица студеным ветром на прощание, облегченно оторвал шасси от земли. Сначала медленно, а затем все быстрее начал набирать высоту. Когда оранжевая стрекоза растворилась в неровном серо-голубом небе и ее гул окончательно стих, пришло жутковатое ощущение совершенно нереальной тишины и оторванности ото всех. Мы четверо, возможно, были единственными людьми на сотни километров вокруг.

На Зевинском плато Центрального Сихотэ-Алиня, выше 1000 м над уровнем моря. В северо-восточном углу Приморского края.

Однако предаваться рефлексии не было времени. Первая ходка к избе от места высадки далась трудно. Снег был глубокий, почти по пояс, пришлось, подняв раструбы болотников, сгибаясь под тяжестью груза и набирая снежной каши в сапоги и карманы, ползти почти на карачках. Пока умяли сугробы на пути к избушке, утоптали снег вокруг нее, расчистили проход к реке, по частям перенесли гору нашего барахла — прошел весь длинный световой день.

В почерневшем подгнившем срубе было сыро, затхло и тесновато, на нарах благоухала старая, почти вылезшая изюбриная шкура, но печь-буржуйка вроде в исправности. Большую красно-синюю дуговую палатку установили на утопанном снегу с задней стороны избы — в ней собирались жить мы с Костей. Бледно-желтая Юрина палатка расположилась чуть поодаль, под сизыми аянскими елями, сплошь покрытыми горчичными бородами лишайника уснеи. Она вмещала большую часть видеотехники и оставляла место лишь для одного человека. Николай, как все

местные жители, предпочитал надежную крышу палатке и заявил, что будет спать в избе. В два удара топора свалив сухую елку у реки, он споро нарубил дров и начал обстоятельно топить печь.

Избушки

Охотничья избушка в тайге — самое желанное место для усталого путника, даже если это простой бревенчатый сруб «два на два» по внутреннему периметру, без особых удобств — только печка да нары. Да маленькое окошко, прорубленное напротив дощатой двери и затянутое полиэтиленом. В простейшем варианте достаточно бывает пяти-семи проконопаченных мхом венцов, крышу чаще всего делают односкатную, кроют рубероидом, кедровой или лиственничной дранкой, для тепла насыпают и утрамбовывают землю, поверх кладут мох. Пол тоже земляной, реже — из деревянных плах. На участке охотника-промысловика в Сибири или на Дальнем Востоке таких срубов бывает несколько — из расчета зимнего перехода посветлу от одного к другому. Ставят избушку в месте приметном, обычно на берегу ручья, но немного в стороне от тропы-путика. И маскируют так, что чужой пройдет — не заметит. Впрочем, чужие здесь, как правило, не ходят.

В Уссурийском крае маленькие срубы почему-то называют «бараки», избы побольше — «зимовья». Иногда избушку именуют «фánза», на корейско-китайский лад. А кое-кто до сих пор использует старинные слова «балаган» и «стан», оставшиеся со времен освоения этих мест казачьими отрядами и первоначально обозначающие жилища аборигенных народов. Со студенческих лет мне ближе северное название полевого домика, усвоенное на острове Врангеля, — «балók». Правда, северный балок чаще всего сделан не из бревен

и его можно перевозить на полозьях по тундре, прицепив к вездеходу. Косте слово тоже понравилось, и оно прочно вошло в наш обиход.

Хозяин этой избы — промысловик Валентин Оберёмок по кличке Обер — лет десять не посещал свой участок: уже не позволяли возраст и здоровье. Костя пересекся с ним в Охотничьем в прошлом году, и тот указал по карте, где ее найти. Весьма приблизительно, конечно!

Скоро внутри избышки уже уютно потрескивал огонь, выгоняя сырость и замещая запахи. Снаружи звенящее безмолвие нарушалось только журчанием переката на реке и еле слышным гортанным «кррук» ворона. Вдруг между стволов корявого елово-лиственничного редколесья на пару минут выглянуло заходящее солнце, вызвав залп песен ко-рольковых пеночек — крошечных перелетных птичек, совершенно не ассоциирующихся у нас с суровым зимним пейзажем.

— Вот это да! Пеночки среди сугробов! — не смог сдержать восторга я.

— В общем-то, неудивительно — май месяц на дворе, первые волны мигрантов даже сюда должны уже прилететь, — рассудительно отозвался Костя.

— Эт-то радует! — ввернул свое любимое присловье Юра.

Чувство оторванности от остального мира прошло, наоборот, появилось предвкушение предстоящей большой и интересной работы — как обычно в начале экспедиции. Пока все было хорошо и шло по плану.

В половине шестого утра нас разбудили крики черных журавлей. Не такие трубные, как у давно знакомых серых журавлей, но более звучные и высокие, чем у журавлей

канадских (по крайней мере, на мой слух). Как по мне, крики любых журавлей — ликующие серебряные фанфары, и только в воображении поэтов и писателей они почему-то преобразились в печальный символ осени — прощальное меланхолическое курлыканье улетающего на юг клина. Ну что же, отлично — один из основных объектов исследований в верховьях Зевы на месте!

После теплого спальника в палатке совсем не жарко, а снаружи и вовсе легкий морозец, градуса три-четыре. Лес стоит оцепеневший в искрящемся пушистом инее. Пока вылезашь — страгивашь его пласты, и он скользит по гладкой синтетике купола, непременно норовя попасть за шиворот. Завтракать собрались снаружи, да и еду готовить на костре оказалось быстрее и удобнее, чем на печке в тесноте дома. Быстро смастерили стол на козлах, сели на чурбаки, дожидаясь, пока вскипит вода в котле, и слушая птичий концерт.

Вчерашней гнетущей тишины как не бывало — предвкусная ясная день, активно запевают пятнистые коньки и синицы московки. Им вторят флейтовые скороговорки синехвосток, бодрые пулеметные очереди корольковой пички, тоненький писк королька. Изредка доносится тихое пленьканье сибирской завирушки, издали скрежещут кедровки, чуть позже с монотонным жужжаньем вступают юрки. Четко вырисовываясь в молочно-голубом небе, мимо лагеря пролетает пара журавлей. Лепота!

За завтраком для экономии времени и объема будущего груза добываем «дошираки» в пенопластовых корытцах, купленные в Хабаровске на первое время. Первое знакомство с «быстрорастворимой» корейской лапшой произошло у нас с Костей несколько лет назад благодаря Юре: «Мужики, у нас в Приморье новое восточное

диво — не надо ничего варить, засыпал приправы из пакетика, залил кипятком, закрыл крышкой — и через три минуты можно есть! С непривычки островато, но приправы можно поменьше сыпать!» По непряхотливым экспедиционным меркам блюдо было вполне съедобным, но для полного рациона хотя бы на неделю пешего маршрута не годилось — объём слишком велик. А для быстрого перекуса — вполне! Кстати, в этот раз в Хабаровске Юра поразил нас другой корейской новинкой — сушено-солёными кальмарами, прекрасно идущими под пиво.

* * *

Правильное время для старта первой экскурсии по местным болотам, марям, в поисках журавлиных гнезд мы все-таки прозевали. Трогаться надо было раньше — с рассветом, по морозцу. Не было еще 10 часов, когда наст перестал держать и тройка исследователей стала проваливаться по колено, а то и «по развилку», по меткому выражению Юры. Барахтались, теряя силы, где-то двигались ползком или даже перекатывались. Рядом, сквозь голубоватую толщу, глубокими ямами к самой земле уходили свежие лосиные следы. Едва-едва читались на зернистой, как сахарный песок, поверхности фирна* парные четки колонка. Темными протаявшими пятнами выделялись кучки заячьего и глухаринного помета.

Наконец, оторвавшись от кромки елово-пихтового леса по борту долины, мы вышли на обширную верховую марь, где снега, по счастью, было мало. Юра, единственный

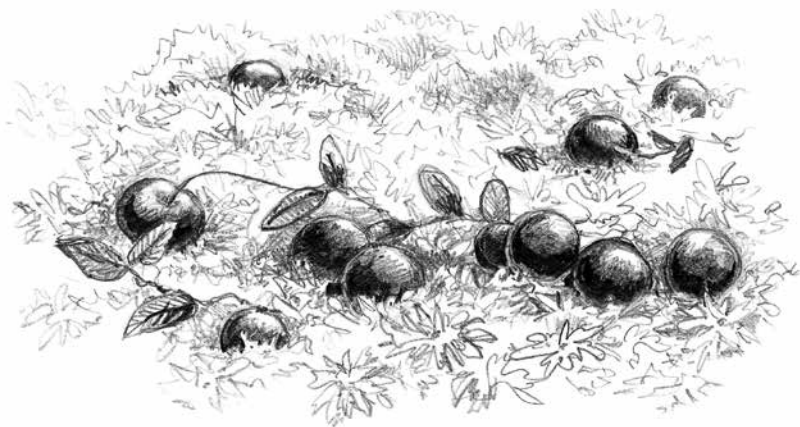
* Фирн — плотно слежавшийся, частично перекристаллизованный в ледяные зерна снег.

из нас, кто уже видел и снимал гнезда черных журавлей, глядя в карту, предложил для эффективности разделиться и прочесать болото с трех сторон — от самых истоков собственно Зевы, от Правой Зевы и от Маревого ручья, — а затем встретиться в центре. Ответственный обладатель единственного GPS-навигатора Костя засек координаты, и мы разошлись.

В устье Правой Зевы мне пришлось форсировать несколько протоков, в основном по опустившемуся на дно неровному льду. По самой Зеве шел активный ледоход, вверх по реке, навстречу льдинам, то и дело перелетали селезни крякаши. По скользким ноздреватым заберегам вились цепочки старых следов выдры. Здесь же, как фонариками светя лютиковыми грудками и подхвостьями, сустились горные трясогузки. Коротко подлетывали, ловя первых, еще сонных ручейников и веснянок.

Ходить по не до конца оттаявшей мари было куда проще, чем по прирусловому лесу. Кочки мягко пружинят, но снизу чувствуется твердая мерзлота, а не предательская зыбкая топь, как летом. Правда, нужно все время смотреть, куда ставить ногу, чтобы избежать глубоких, заполненных снежно-водяной кашей ям-мочажин между кочками. Ближние к лесу края мари заросли чапыжником и багульником, к центру кустов становилось меньше. На оплывших кочках — выцветшие космы прошлогодней травы, рыжеватые подушки сфагнома, зеленые веточки подбела с розовыми бутонами-бубенчиками, нити клюквы с мелкими листочками и прозрачно-темными прошлогодними ягодами.

Из леса донеслась раскатистая барабанная дробь, продолженная истошным заунывным криком «крю-крю-крю-крю — клиии». Ага, есть желна, большой черный дятел.



Интересно, где он здесь дупла себе долбит, стволы ведь не той толщины! Низкими хриплыми посвистами перекликаются краснощекие дальневосточные снегири, пронеслась стайка пролетных бурых дроздов. В мелком тальнике, окружившем большую темную лужу с белесой глыбой льда посередине, вдруг коротко прочирикала полярная овсянка. С вершины обломка сухой лиственницы ей отозвался черноголовый чекан — такой же маленький черно-белый комочек, но с рыжим пятнышком в центре груди. На фоне серо-бурого пятнистого задника мари озаренная солнцем трехцветная птичка выделялась столь живописно, что хоть садись и рисуй! Или хотя бы снимай... Но фотоаппарат я впопыхах забыл в палатке.

После полудня вязаная шапка, телогрейка и свитер плавно переключались в походный рюкзачок, на солнцепеке стало жарко и в штормовке. Птицы примолкли, слышнее стало жужжанье проснувшихся мух, запорхала бабочка-крапивница.

Центральную часть мари, где должна была состояться наша встреча, от меня скрывала гряда рёлок* из чахлах редкостойных лиственниц. С окраины ближайшей рёлки я, одного за другим, спугнул двух каменных глухарей. Огромный темный петух вдруг снялся с нижних сучьев и сразу скрылся за деревьями, оставив меня стоять столбом с колотящимся от неожиданности сердцем. И это притом, что, в отличие от нашего глухаря, каменный не устраивал при взлете страшного грохота и вообще летел удивительно легко. Глухарку же я рассмотрел хорошо — она долго перелетала с листвяга на листвяг, вертела головой, топорщила бородку, глухо квохча. На западную глухарку-копалуху эта оказалась совсем не похожа — гораздо стройнее, без рыжего нагрудника, с более частой рябью холодного оттенка. Выглядела скорее как гигантская тетерка.

Глухари глухарями, но вот журавлей я так и не встретил. Они несколько раз кричали где-то в отдалении — и все. Обходя третью рёлку, замечаю впереди, в колышущемся маре, большоедвигающееся темное пятно. Пригибаюсь: лось? изюбрь? медведь? Оказалось — Юра. На своем маршруте он поднял не меньше пяти глухарей, издалека снимал пасущегося журавля, но признаков беспокойства у гнезда тот не проявлял. Через полчаса к месту randevу подошел Костя, он долго выслеживал пару журавлей, правда гнезда они тоже не показали. Двинули в ту сторону. Юре удалось поснимать журавлей, кружащих над нашими головами (судя по поведению — холостых), а Костя, усевшись на кочку, картинно выливая воду из сапога и выжимая портянку, с одного дубля выдал целое интервью на камеру.

* Рёлками на Дальнем Востоке называют небольшие лесные острова на марях.



Обратно брели долго, постоянно поджидая Юру, снимающего с рук то красивые пейзажи, то ближние планы — отражение неба в разводьях между кочками, растения, первых мохнатых шмелей. К балку вышли лишь к четырем часам, изрядно уставшие.

Оставленный на хозяйстве Николай времени даром не терял. Он нарубил дров, сложил аккуратную поленницу. Построил лабаз для провизии и вещей между трех молодых белокорых пихт. Подстрелил двух рябчиков из своей одностволки и сварил густой «куриный» борщ, используя остатки овощей, купленных в Хабаровске. Поблескивающие на снегу справа от двери чешуйки и внутренности, распятые на воткнутой вокруг костерка рожнах коптящиеся тушки хариусов свидетельствовали о том, что наш проводник еще и успешно порыбачил на незамерзающем перекате.

Николай

Из своих спутников Николая я знаю меньше других, всего второй день. Он — житель крохотного поселка Охотничий (традиционно называемого местными Улунга́) на реке Светловодной (она же Улунга), близ ее слияния с Бикином. Улунга — крупный левый приток, берущий начало на Центральном Сихотэ-Алине, как и Зевá, но впадающий в Бикин южнее ее. В прошлом году Костя брал Николая проводником в ходе обследования бассейна Ключевой (или Бачелáзы, полноводного правого притока Бикина, длиной около 80 км). Он зарекомендовал себя с лучшей стороны, обладая покладистым характером, хорошо ориентируясь в тайге, бесперебойно обеспечивая группу дичью, рыбой и создавая бытовые условия.

В том сезоне я не смог присоединиться к Костиной экспедиции, а когда мы приплыли в Улунгу со среднего Бикина три года назад, Николая не встретили — он был на своем промысловом участке на Бачелазе или вовсе в отъезде. Сейчас, вылетая из Хабаровска на Зеву, мы сделали небольшой крюк до Охотничьего. Выгрузили часть продуктов и вещей, не предназначавшихся для первой автономки, высадили двух коллег-орнитологов для стационарной работы в окрестностях поселка и забрали Николая с рюкзаком, ружьем, топором, котелками и железной бочкой-контейнером.

В Улунге все выглядело еще бурым и пожухлым, ни зеленой травки, ни проклюнувшейся листвы, но и снега не наблюдалось — не то что на Зевинском плато! Коллеги Виталий и Геннадий планировали в ближайшие месяцы заняться поисками гнезд, детальными наблюдениями за тонкостями гнездовой биологии и поведения избранных видов пернатых. Эти исследования совсем не предполагали длительных пеших и лодочных маршрутов по неизведанной горной

местности, сопровождающихся общей инвентаризацией авифауны, поисками закономерностей экологического и географического распределения птиц, да еще и заказанными съемками редких видов. То есть того, чем собиралась заниматься наша группа.

Николай сразу вызвал у меня симпатию. Маленький, ладно скроенный и крепко сшитый, с приятными чертами лица, про него так и хотелось сказать — типичный славянин из глубинки. Небольшие голубые глаза, крутой лоб, короткий, слегка курносый нос, подстриженные рыжеватые борода и усы. Когда он снимал стеганный подшлемник, обнажалась большая, круглая, аккуратная лысина, благодаря которой Николай сразу начинал смахивать на Ленина времен эмиграции. Был он немногословен, но с правильной речью, без особых жаргонизмов и матюгов, так свойственных многим местным жителям. Из-за ранней, как и у Ильича, лысины возраст Николая определялся с трудом — думаю, ему было чуть за 40.

Ни на Зевинском плато, ни в других районах, которые мы планировали обследовать в этот весенне-летний сезон, он не бывал, так что проводником в этот раз считался весьма условно. Скорее — человеком, отвечающим за обустройство полевого быта.

После позднего обеда мы занялись скучным, но необходимым делом — разбором и сортировкой вещей и продуктов в мешках, баулах, вьючниках, ящиках и коробках. Что-то надо было отложить на местные маршруты с одной-двумя ночевками, что-то упаковать для дальнейшего сплава и так далее. Для середины лихих девяностых, когда попытка снарядить любую экспедицию сталкивалась с почти непреодолимыми трудностями, экипированы мы были неплохо! В основном это заслуга Кости, который умудрялся получать

в своем институте и прочих местах гранты на экспедиции и с наибольшим профитом отоваривать грантовые деньги. Я и другие коллеги тоже участвовали в закупках, упаковке и отправке. Какое-то казенное снаряжение удавалось взять в наших научных учреждениях. Большая часть еды и вещей заранее приехала грузовыми рейсами в Хабаровск, часть мы докупили уже там.

В нашем багаже присутствовали две оранжевые надувные трехместные лодки с двулопастными байдарочными веслами. Мешки с мукой, макаронами и крупами, собственноручно засушенными сухарями, по паре ящиков тушенки и сгущенки. Четыре толстых брезентовых баула, в которые были сложены тенты, куски полиэтилена, веревки, стропы, сети-паутинки для птиц, патроны, рыболовные снасти, аптечка, запасная одежда и обувь, инструменты и прочее оборудование. Коробки с сухим молоком и порошковой картошкой, солью и содой, чаем и приправами, растительным маслом, бульонными кубиками, таблетками сахарозаменителя вместо сахара (в автономках борьба идет за каждый грамм и кубический сантиметр). Весьма разнообразящий экспедиционное меню яичный порошок в Хабаровске достать не удалось. Провианта мы взяли в обрез (на себе же все таскать!), но с наибольшей энергетической ценностью. Определенные надежды возлагались на подножный корм — рыбу и дичь, крапиву и черемшу, молодые улитки папоротников и ранние грибы-ягоды.

Много места занимала аппаратура, включая видеокамеру, коробку кассет Sony miniDV, аккумуляторные батареи, маленький бензиновый генератор (под его тихое тарыхтение мы засыпали впредь почти каждую ночь) и захваченные из поселка канистры с бензином. Венцом всему была 200-литровая Колина бочка из-под горючего

с двумя просверленными в бортах дырками и отрезанным сваркой пятисантиметровым верхним кругляшом, диаметр которого расширили ударами молотка. Эта часть емкости использовалась как крышка, с натягом надевавшаяся на остальную бочку и закрепляющаяся болтами в сквозных отверстиях. Такая бочка-контейнер — наилучшее средство для обеспечения сохранности продуктов и прочих вещей от посягательств медведей и грызунов на лабазах и в надолго оставляемых балках. По крайней мере, так уверяли опытные Николай и Богдан, у которого мы обычно останавливались в Улунге. Вместе с бочкой весь багаж весил почти тонну.

Разбирая очередной баул, я вытащил свернутые болотные сапоги и бросил их Юре для перепаковки. Юра задумчиво покрутил носом:

— Знаешь, Жека, есть хороший таежный способ: наливаешь водки или спирта в сапоги и целый день ходишь, балдеешь — алкоголь прямо через кожу впитывается. А если жена попросит дыхнуть — легко! Тут, видимо, кто-то уже использовал...

Я похолодел. Действительно, внутри баула пахло спиртом. И чем дальше я его разбирал — тем отчетливее. Наконец я вытащил подозрительно легкую 10-литровую пластиковую канистру, обмотанную для амортизации тентом. В одном из нижних углов канистры змеилась тонкая трещина, через которую постепенно вытек весь спирт, взятый в экспедицию. Очевидно, емкость повредили при каких-то очередных погрузках-перегрузках (хотя мы поместили ее в центр баула), а за неделю путешествия багажа до Хабаровска спирт успел испариться настолько, что снаружи баул не пах вовсе.

— Та-ак, получается, что как минимум до июля у нас только две поллитры лимонной водки, да и то одну вчера уполовинили за проезд? — мрачно изрек Костя. Водку мы купили в Хабаровске — на первые дни, до распаковки багажа.

— Не-е, я на такое не подписывался! — протянул практически непьющий Николай.

Перспектива вырисовывалась так себе. Спирт был нужен для препаровки и сохранения некоторых научных сборов, «протирки оптических осей». Но в первую очередь, конечно, для поддержания морального духа коллектива, для сутреву в непогоду, снятия усталости и напряжения после тяжелой работы и внештатных ситуаций.

В унылом молчании мы продолжили разбирать вещи. Солидарно с нами природа тоже пригорюнилась, набежали тучи, пернатые замолкли. От многоголосого хора, приветствовавшего нас утром, ничего не осталось. Но тут у лагеря появилась парочка пушистых птиц, похожих на странную помесь вороны с синицей.

Кукши. Нарушая тягостное безмолвие радостным гнусавым «кей-кей...», они мгновенно расправились с рыбьей требухой возле балка и до самого вечера вертелись поблизости в ожидании новых подачек. Остались они и на завтра-послезавтра, добровольно взяв на себя роль мусорщиков, подьедающих наши съестные отходы.

С кукшами нехитрый полевой быт пошел как-то веселее. С утра птички дежурили у входа в сруб, разглядывая карими бусинами глаз и окрикивая скрипуче-мяукающими голосами каждого входящего-выходящего. В возбуждении они то и дело топорщили небольшие темные хохолки, зрительно увеличивающие голову. Круглые лобастые головы в сочетании с короткими, слегка вздернутыми черными

клювиками придавали кукшам умильный облик персонажей мультфильмов и усиливали сходство с синицами, а не с сойками или воронами, как полагалось бы по родству. Неровным ныряющим полетом они и вовсе напоминали бумажные самолетики; среди бело-серо-голубого пейзажа то и дело вспыхивали ржавчатые пятна на их поясицах, закругленных крыльях и хвостах.

Большую часть дня нагло-осторожные кукши оставались хозяйками лагеря — по «бетонному» с ночи насту четверо двуногих уходили прочесывать постепенно осваивающиеся от белого покрова мари, продолжая поиски гнезд журавлей. К полудню наступала оттепель, солнце палило с густо-синего неба, рушились ослепительные снеговые перемины над речкой, бордово-сизыми шариками светилась на рыжих моховых подушках перезимовавшая клюква. Обратный путь был традиционно тяжел: вымотавшиеся за день исследователи снова и снова проваливались в раскисший снег, которого было еще много в лесистых понижениях.

Вечерами, когда мороз опять крепчал, мы грелись у костра или печки, а кукши забирались вглубь ближней лиственницы, за желто-седые бороды лишайника уснеи, к самому стволу. Там они прижимались друг к другу и распушали свое и без того рассученное густое оперение, превращаясь в мягкие дымчато-кофейные шары с торчащими вниз «ручками» хвостов. Точно так же поступала еще одна пара наших пернатых нахлебников — синички пухляки. Днем синиц больше интересовала старая шкура изюбря, вывешенная Николаем для просушки. Пухляки прилежно выщипывали из нее пучки шерсти для выстилки гнезда и уносили к большой елке, стоявшей на полпути к Зеве, — там у них было дупло.

Кукши признаков размножения не выказывали, хотя по идее в это время у них должны быть большие птенцы в гнезде или даже слётки. А в небесной лазури по утрам кувыркались, гудя атласным пером, вóроны. Эти тоже гнездятся очень рано, а вот поди ж ты — здесь брачные игры еще в разгаре.

Ворон

Ворон для меня — особенная птица. Эволюционная попытка отряда воробьиных выдвинуть из своих бесчисленных рядов некое подобие грозного и гордого хищника — большого, с прекрасными летными качествами и опасным клювом, компенсирующим отсутствие острых крючковатых когтей. Хищник получился универсальный и специфический, с заметным уклоном в пада-



леение и собирательство всего, что плохо лежит. При этом — с уровнем интеллекта, заметно превышающим уровень любого орла, ястреба или коршуна. Впрочем, и более мелкие врановые — признанные умницы. Вокализация воронов необычайно богата и разнообразна, а основное «кррук, кррук» — очень музыкальное и деликатное, сродни скорее трубным кликам журавлей и лебедей и совсем не похоже на надсадное карканье ворон.

Во времена моей юности ворон считался редкой птицей Подмосковья, не то что сейчас. При этом он давно и широко освоил добрую часть Северного полушария — от арктических

островов до мексиканских и тибетских нагорий и от Атлантики до Тихого океана. Всегда и везде интересно наблюдать за повадками внушительной черной птицы: вот она вальяжно мерит землю неторопливыми размашистыми шагами и вдруг суетливо засеменит, мелко запрыгает, словно пытаюсь удерживать равновесие. Ни дать ни взять бравый отставной полковник, поскользнувшийся на натертых паркетах дворца императрицы! А уж как может передразнивать других птиц, зверей и даже человека! Не зря у индейцев Северной Америки, народов Арктики и севера Евразии ворон считался священной птицей, а то и божеством.

На Зевинском плато в небольшом числе попадалась и большеклювая ворона — немного уменьшенная карикатура на ворона: утрированно горбатый клюв, более высокий умный лоб, такие же ромбовидный хвост и блестяще-черное оперение. Но лишена она окладистой бороды, придающей ворону солидность и степенность! И голос совсем другой — тоже не обычное карканье, а чуть натужное размеренное «ха... ха... ха» с ударением в начале фразы. В отличие от ворона, предпочитающего на Дальнем Востоке горы, большеклювая ворона более обычна в нижних поясах. Ее раскатистый хриплый хохот привычно сопровождал нас повсюду в тайге, на марях и в пойменном лесу вдоль Бикина и его притоков.

Естественно, погода на плато время от времени преподносила сюрпризы, вмешиваясь в неотвратимо-поступательный ход весны. Пара ясных ночей с пронзительно-звездным небом выдалась очень холодной, созвездия загадочно мерцали, а температура спускалась к -10° . Подмерзнув в палатках в первую такую ночь (увы, не было у нас тогда термобелы и полартековых флисов!), следующую мы всем скопом провели в избе, потеснив Николая. Утром он безропотно